

JEL classification: F54, N43, N75
УДК 339.5(470+517)(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(2).266-287

А.А. Ширапов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

А.М. Плеханова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

Экономическая экспансия России во Внутреннюю Азию в конце XIX — начале XX в.: причины «монгольского поворота»

Аннотация. Статья посвящена анализу причин и механизмов переориентации экономической экспансии Российской империи во Внутренней Азии в начале XX в. с маньчжурского направления на Монголию. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного изучения факторов, определявших в указанный период внешнеэкономическую политику империи в регионе, который оставался зоной геополитического соперничества великих держав. В результате исследования установлено, что, сосредоточив усилия на Маньчжурии, Россия к началу войны с Японией достигла значительных экономических успехов. Монголия же оставалась сферой частной инициативы сибирского купечества, уступавшего китайскому бизнесу, пользовавшемуся поддержкой местной администрации. Поражение в войне с Японией и последовавшая утрата южной Маньчжурии, а также активизация китайской колонизации Монголии (создание Министерства колоний, строительство дорог, военное присутствие) создали угрозу полного вытеснения русской экономики. Начавшийся в 1909 г. подъем российской экономики резко увели-

чил потребность отечественной промышленности в монгольском сырье (шерсть, кожи, скот). Воспользовавшись ослаблением Китая, вызванным событиями Синьхайской революции 1911 г., российское правительство перешло к активной политике, заручившись дипломатической поддержкой со стороны Японии и Франции на включение Монголии в сферу влияния империи. Осенью 1912 г. было заключено соглашение, признавшее автономию Монголии и предоставившее российским предпринимателям режим наибольшего благоприятствования. Выводы статьи позволяют утверждать, что «монгольский поворот» стал результатом сочетания внешнеполитических потерь России в Маньчжурии, активизации китайской колонизации, угрожавшей российским интересам, и возросшей потребности отечественной экономики в монгольских ресурсах. Закрепление экономического влияния было достигнуто благодаря усилиями имперской дипломатии и за счет использования благоприятной для России внутривнутриполитической ситуации в Китае.

Ключевые слова. Российская империя, Цинская империя, Маньчжурия, Монголия, экономическая экспансия, торгово-промышленный капитал, купечество, колонизация, Синьхайская революция, автономия.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации» № 125091010220-3.

Информация о статье. Дата поступления 23 марта 2026 г.; дата принятия к печати 4 мая 2026 г.; дата онлайн-размещения 19 мая 2026 г.

A.A. Shirapov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, the Russian Federation*

A.M. Plekhanova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, the Russian Federation*

Russia's Economic Expansion into Inner Asia in the Late 19th — Early 20th Century: Causes of the “Mongolian Turn”

Abstract. This article analyzes the causes and mechanisms underlying the reorientation of the Russian Empire's economic expansion in Inner Asia in the early twentieth century from the Manchurian direction toward Mongolia. The relevance of the study lies in the need for a comprehensive examination of the factors that shaped the empire's foreign economic policy in a region that remained a zone of geopolitical rivalry among great powers. The study demonstrates that, by concentrating its efforts on Manchuria, Russia had achieved significant economic success by the outbreak of the Russo-Japanese War. Mongolia, by contrast, remained a sphere of private initiative dominated by Siberian merchants, who were at a disadvantage compared to Chinese businesses supported by local administration. Russia's defeat in the war with Japan and the subsequent loss of southern Manchuria, along with the intensification of Chinese colonization of Mongolia (including the establishment of a Ministry of Colonies, road construction, and military presence), created the threat of the complete displacement of Russian trade. The economic upturn in Russia beginning in 1909 sharply increased the demand of domestic industry for Mongolian raw materials (wool, hides, livestock). Taking advantage of China's weakening following the Xinhai Revolution of 1911, the Russian government adopted a more active policy, securing diplomatic support from Japan and France for the inclusion of Mongolia within its sphere of influence. In the

autumn of 1912, an agreement was concluded recognizing Mongolia's autonomy and granting Russian entrepreneurs most-favored-nation status. The article concludes that the "Mongolian turn" resulted from a combination of Russia's foreign policy losses in Manchuria, the intensification of Chinese colonization threatening Russian interests, and the growing demand of the domestic economy for Mongolian resources. The consolidation of economic influence was achieved through imperial diplomacy and by exploiting favorable domestic political conditions in China.

Keywords. Russian Empire, Qing Empire, Manchuria, Mongolia, economic expansion, commercial and industrial capital, merchant class, colonization, Xinhai Revolution, autonomy.

Funding. The article was prepared within the framework of a state-funded project: "Russia, Mongolia, and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities, and Sociocultural Communications" No. 125091010220-3.

Article info. Received March 23, 2026; accepted May 4, 2026; available online May 19, 2026.

Введение

Рубеж XIX–XX вв. стал для Российской империи периодом активизации внешнеэкономической политики на дальневосточном направлении. В условиях ослабления Цинской империи после поражения в Японо-китайской войне 1894–1895 гг. российское правительство во главе с министром финансов С.Ю. Витте развернуло масштабное наступление на рынки Северо-Восточного Китая. Для стремительно растущей российской экономики возможность доступа к природным богатствам и огромному рынку сбыта Поднебесной сулила крайне выгодные перспективы. В тот же период Монголия, несмотря на давние торговые связи с Сибирью, оставалась на периферии имперской экономической экспансии.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и систематизации факторов, обусловивших смену

внешнеэкономического курса Российской империи в отношении Монголии на рубеже 1900–1910-х гг. Привлечение в качестве источников сборников договоров¹, документальных сборников², статистических обзоров и отчетов³, экспедиционных материалов [1], дневниковых записей и наблюдений современников [2; 3], работ дореволюционных экономистов и публицистов [4–6] позволяет проследить эволюцию политики России в регионе от пассивного наблюдения к активной экспансии.

«Маньчжурский приоритет»: успехи российского капитала в Северо-Восточном Китае

Изначально, приоритетным направлением российской экспансии была определена богатая природными ресурсами и располагающая портами с круглогодичной навигацией территория Маньчжурии. Как отмечал Б.А. Романов, «активная политика самодержавия в 1890-х и в начале 1900-х гг. была направлена на Маньчжурию и преимущественно на Маньчжурию» [7, с. VI]. В результате к 1904 г., российский торгово-промышленный капитал, несмотря на сильную конкуренцию со стороны китайского бизнеса, достиг немалых успехов. Так, в начале 1901 г. в окрестностях Ашихэ действовало около 200 кирпичных заводов, в провинции Хэйлунцзян – 32 кожевенных, 30 свечных, 15 бумажных, 8 меховых, 86 вермишелевых заводов, принадлежавших российским подданным [8, с. 112]. Не менее успешно развивалась коммерция. Всего за один год стоимость российского экспорта в Китай увеличилась с 7,5 млн руб. в 1899 г. до 9,5 млн руб. в 1901 г.

¹ Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб. : Тип. А.М. Менделевича, 1906. 762 с.

² Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : сб. документов : в 2-х ч. М. : Граница, 2019. Ч. I. 360 с.

³ Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб., 1902. 53 с.

[6, с. 67]. К 1905 г. общий объем русских инвестиций в Маньчжурию составил 479,6 млн руб. [8, с. 118].

Залогом столь впечатляющих темпов стала всемерная поддержка российского самодержавия, оказываемая отечественному бизнес-сообществу. Надежное финансово-кредитное сопровождение деловых проектов обеспечивал подконтрольный властям Русско-Китайский банк. Созданный в 1895 г. под руководством министра финансов С.Ю. Витте банк должен был содействовать укреплению «русского экономического влияния в Китае» [7, с. 90]. К 1901 г. на территории Цинской империи действовало 17 отделений учреждения⁴. Вторым, не менее важным проектом правительства, призванным усилить позиции державы в регионе, стала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Магистраль, построенная всего за шесть лет, с 1897 по 1903 г., обошлась бюджету империи в колоссальную сумму — 409 млн руб. Вместе с тем, соединив рынки России и Китая, железная дорога многократно увеличила объемы взаимного товарооборота. Всего за год российский экспорт вырос более чем в два раза — с 9,7 млн руб. в 1902 г. до 22,5 млн руб. в 1903 г. [6, с. 54, 68]. Благодаря поддержке правительства российские торговцы и промышленники успешно конкурировали не только с местным купечеством, но и с английскими, американскими, немецкими, французскими и японскими предпринимателями.

«На обочине имперской политики»: положение русской торговли в Монголии до 1910-х гг.

Монголия, ресурсный потенциал которой уже давно был известен русскому купечеству, оставалась на периферии имперской торгово-промышленной политики. Общий объем экспортно-импортных операций в 1903 г. составлял всего 5 млн руб. [3, с. 27], в то

⁴ Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб., 1902. С. 23, 35, 43.

время как (для сравнения) ежегодный вывоз бобов из Маньчжурии русскими торговцами оценивался в 20 млн руб. [5, с. 62]. Накануне Синьхайской революции доля России в общем торговом обороте Монголии не превышала 20 %⁵. Господствующие позиции на монгольском рынке занимали цинские предприниматели. В начале 1910-х гг. соотношение числа китайских торговых фирм по отношению к российским в главных экономических центрах Монголии выглядело следующим образом: 100 китайских и 10 русских – в Урге, 85 и 5, соответственно, – в Улясутае, 65 и 7 – в Кобдо, 30 и 3 – в Ванкурене, 12 и 4 – в Цзаин-Шаби, 42 и 1 – в Калгане [1, с. 296]. Всего же в начале XX в. на территории Монголии действовало до 500 фирм, принадлежащих цинским купцам [9, с. 159]. Успех китайского торгового капитала объяснялся сплоченностью предпринимателей, минимизировавшей, в отличие от российских конкурентов, деструктивное соперничество; доступностью необходимых для успешного ведения и расширения бизнеса источников кредитования; существенно меньшими транспортными расходами, что позволяло устанавливать более низкие цены на товары [1, с. 277]. Кроме того, китайские торговцы прекрасно ориентировались в особенностях ведения дел на местном рынке и располагали значительными финансовыми ресурсами, намного превосходящими возможности русских купцов. Еще в конце XIX в. общий оборот китайских фирм на внутреннем рынке Монголии исчислялся в несколько десятков миллионов серебряных лан [10, с. 145]. Однако, на наш взгляд, наиболее важным преимуществом китайских купцов в конкурентной борьбе с российским бизнесом являлась безусловная поддержка местных властей. Благодаря благожелательному отношению правительства в

⁵ Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении. I. Экономическая записка. СПб. : Тип. Тов-ва А. С. Суворина «Новое время», 1913. С. 56.

Пекине, заинтересованному в ослаблении российского влияния, китайские торговцы контролировали экономику Монголии. Так, ими широко практиковалась продажа товаров в долг под высокий процент. Несмотря на то, что законодательством его размер был ограничен 36 %, с негласного разрешения местной администрации он мог достигать и 400 % годовых. Местные покупатели были обязаны погашать свои займы скотом или сырьем (шерсть, кожи, меха), то есть товарами, составлявшими основу монгольского экспорта. В результате, к началу XX в. экономика Монголии оказалась практически под контролем цинских купцов. Так, только фирма Да Шенху ежегодно вывозила из Северной Монголии в Китай до 500 тыс. овец и 70 тыс. лошадей [10, с. 145]. К 1911 г. общая задолженность Монголии китайскому бизнесу составляла 11 млн серебряных ланов [9, с. 159]. При этом в отношении русских купцов местные власти проводили прямо противоположную политику. В частности, было объявлено, что с 1907 г. заявления российских предпринимателей о взыскании задолженности с монголов не будут приниматься во внимание [3, с. 25].

В отличие от своих китайских конкурентов российские предприниматели вели свои дела на монгольском рынке опираясь в основном на собственные силы и средства. Имперское правительство оказывало отечественному бизнесу, действовавшему на территории Монголии, несущественную поддержку. Открытие в 1897 г. Верхнеудинского и Кяхтинского, в 1900 г. Ургинского и Улясутайского офисов Русско-Китайского банка смогло значительно улучшить положение российских купцов, и не только в плане финансово-кредитного сопровождения их бизнеса. Во многом благодаря работе отделения в Кяхте русские золотопромышленники смогли развернуть в Монголии успешную добычу драгоценного металла в промышленных масштабах [11, с. 59]. Однако

вплоть до начала 1910-х гг. продвижение российской экономической экспансии в Монголии, в отличие от Маньчжурии, оставалось частной инициативой отечественных предпринимателей, главным образом из числа сибирского купечества. Как отмечалось современником, «торговля эта развивалась до сих пор без всякого действия наших правительственных и торгово-промышленных центров. И те и другие относились к русской торговле в Монголии совершенно пассивно в то время, когда в торговом отношении последняя всегда тяготела в нашу сторону. И все-таки, несмотря на это, русская торговля продержалась там до сих пор и, благодаря трудам предприимчивых сибиряков, у нас завязался довольно широкий торговый обмен с этой страной. Во всяком случае, было бы странно и непонятно с нашей стороны оставить без внимания начатое в Монголии русское дело» [3, с. 28]. Сложившаяся ситуация сохранялась до тех пор, пока российские власти не оказались вынуждены с целью защиты интересов державы пересмотреть свою политику в Монголии.

Изменение геополитической ситуации и экономические вызовы как катализаторы активизации России в Монголии

Одной из причин изменения позиции российского правительства в отношении Монголии стало поражение страны в войне с Японией (1904–1905 гг.), коренным образом изменившее расклад сил во Внутренней Азии не в пользу Российской империи. По итогам Портсмутского мира Россия уступала Японии, помимо южной части острова Сахалин, города Порт-Артур и Дальний, а также Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД)⁶ и в итоге лишалась стратегически

⁶ Мирный договор между Россией и Японией, заключенный в Портсмуте 23 Августа (5 Сентября) 1905 года // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб. : Тип. А. М. Менделевича, 1906. С. 741–750.

важной территории, без которой реализация проекта экономической экспансии в регионе многократно усложнялась. После восстановления японцами ЮМЖД и объявления Дальнего открытым портом началось свободное движение иностранных товаров по линии Дальний – Харбин. Русские торговые фирмы, ранее находившиеся в привилегированном положении, стали испытывать мощную конкуренцию со стороны Японии, Германии и других стран [12, с. 35]. Как отмечал Б.А. Романов, «многообещающая и богатая Южная Манчжурия, с мощными Фушуньскими каменноугольными копиями и прекрасным коммерческим портом в г. Дальнем, отдавала в руки Японии ключ ко всей Манчжурии и чрезвычайно усиливала шансы Японии в Китае вообще» [7, с. 26].

Вторая причина возросшего интереса Российской империи к экономическому потенциалу Монголии была напрямую связана с первой. Поражение России в войне с Японией, заметно ослабившее ее позиции в регионе, заставило китайские власти ускорить реформы, призванные вывести Цинскую империю из состояния кризиса. Одним из главных мероприятий, направленных на укрепление государства, стала колонизация Монголии. В декабре 1906 г. китайским правительством было принято решение о создании двух департаментов – охраны границ и колонизационного. Первый департамент занимался подготовкой войск из монголов и тибетцев, развитием просвещения и торговли в национальных окраинах; второй – отвечал за вопросы, связанные со строительством железных дорог, добычей полезных ископаемых, а главное – с колонизацией монгольских земель. В 1906 г. с созданием Пекинского особого бюро по переселенческим делам в Монголии – Министерства колоний [13, с. 925] политика, направленная на колонизацию страны, резко усилилась. Китайские караулы на всем протяжении русско-монгольской границы стали бо-

лее многочисленными, началось строительство укрепленных пунктов. В страну вводились регулярные войска, которые должны были заменить местное ополчение. По воспоминаниям дипломата И.Я. Коростовца, в окрестностях Урги китайскими военными инженерами была построена военная база, рассчитанная на размещение целой дивизии [2, с. 100]. Не менее масштабными были и мероприятия, направленные на полное подчинение экономики Монголии Цинскому правительству. Массовое переселение китайских крестьян привело к изъятию у монголов наиболее плодородных земель. С 1906 по 1911 гг. китайские переселенцы получили 5 млн десятин [9, с. 132].

Цинские купцы, заручившись дополнительной поддержкой со стороны властей, стали еще более активно вытеснять российский бизнес из Монголии. Конкуренция со стороны открывшего свои действия в 1907 г. частного Дайцинского банка стала одной из причин ликвидации Ургинского отделения Русско-Китайского банка [14, с. 122]. В период с 1906 по 1911 гг. за казенный счет были капитально реконструированы 8 торговых трактов, соединявших Монголию с центральными провинциями Китая. К концу 1909 г. была построена железная дорога по маршруту Пекин – Калган, которую в ближайшее время планировалось продолжить до Урги. Благодаря этому китайский бизнес получил дополнительные преимущества, а российские торговцы столкнулись с угрозой практически полной потери монгольского рынка. В среде русских предпринимателей царили пессимистические настроения: «господствовал совершенно безнадежный взгляд на Монголию, а именно что монголы год от году беднеют, что китайцы хотят заселить Монголию ... что китайцы могут убить нашу торговлю высокими таможенными обложениями на границе» [3, с. 47–48]. Сложившаяся ситуация начинала вызывать серьезное беспокойство у российских властей. И.Я. Коростовец в беседе с мини-

стром иностранных дел С.Д. Сазоновым особо подчеркивал «опасность водворения Китая в непосредственном соседстве с Сибирью вместо нынешней Монголии с ее малочисленным, миролюбивым, пастушеским населением» [2, с. 54].

Третья причина заключалась в том, что российская экономика после стагнации 1906–1908 гг. вошла в период бурного роста, продолжавшегося вплоть до начала Первой мировой войны. По сравнению с кризисным 1908 г. производство пшеницы к 1912 г. выросло на 37,5 %, кукурузы – на 44,8 %, ячменя – на 62,2 % [15, с. 30]. Общий торговый оборот империи увеличился с 1 627 млн руб. в 1908 г. до 2 427 млн руб. в 1913 г. [4, с. 301]. Одним из локомотивов отечественной экономики была легкая промышленность. Если в 1909 г. предприятия этой отрасли выпустили различных изделий на сумму 1 812 млн руб., то по итогам 1913 г. данная цифра составляла 2 526 млн руб. [16, с. 364]. Для поддержания устойчивого роста легкой промышленности требовалась бесперебойная поставка сырья. Однако отечественные производители не могли в полной мере удовлетворить ее потребности. Если в 1908 г. российскими аграриями было поставлено 12 500 тыс. пудов грубой шерсти, то к 1912 г. данные показатели увеличились лишь до 13 500 тыс. пудов. Производство намного более ценной меринсовой шерсти и вовсе сократилось с 1 800 тыс. пудов в 1908 г. до 1 200 тыс. пудов в 1912 г. Недостающие объемы сырья компенсировались импортными поставками, которые постоянно росли. Если за четыре года, с 1906 по 1910 гг., в Россию было ввезено 2 798 тыс. пудов шерсти, то по итогам только 1911 г. эта цифра достигла 2 624 тыс. пудов [4, с. 312–313]. Монголия, основу сельского хозяйства которой составляло скотоводство, стала представлять все больший интерес для экономики империи. Всего за год импорт монгольской шерсти увеличился на 68 тыс. пудов, с

274 тыс. пудов в 1908 г. до 342 тыс. пудов в 1909 г.⁷ Помимо аграрной продукции Монголия, богатая различными минеральными ресурсами, сулила стать поставщиком разнообразного дешевого сырья для промышленности империи [1, с. 161].

«Монгольский поворот»: роль российских дипломатов

Вплоть до конца 1911 г. российское правительство проводило осторожную политику в Монголии, осознавая недостаточность ресурсов для активной экономической экспансии. Чтобы усилить влияние в соседнем регионе, российская дипломатия реализовала ряд инициатив, увенчавшихся серьезным успехом. В результате переговоров с Японией, проходивших в начале 1907 г., удалось заключить соглашение, согласно которому «имперское японское правительство, признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, обязывается воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам» [17, с. 169]. В результате переговоров с Французской республикой 4 января 1912 г. было заключено соглашение, согласно которому в обмен на помощь в защите французских притязаний в Марокко, Россия получала поддержку «во всем, что касается ее законных прав и интересов на севере Китая, простирается не только на север Манчжурии, но и на Монголию и на Китайский Туркестан»⁸. Несмотря на получение указанных заверений со стороны Франции и Японии, властные круги Российской империи продолжали вести осторожную политику в отношении Монголии. И лишь после резкого изменения внутриполитической ситуации в Китае России пришлось перейти к более решительным действиям.

⁷ Московская торговая экспедиция в Монголию 1912 года. М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1912. С. 15.

⁸ Нота французского министерства иностранных дел на имя русского посла в Париже. 4 января (нов. ст.) 1912 г. // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). М.; Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 82–83.

Начавшееся в октябре 1911 г. в г. Учан восстание против маньчжурского правительства вскоре переросло в полномасштабную революцию, охватившую всю территорию Цинской империи. В сложившейся ситуации представители монгольской национальной элиты, недовольные проводившейся Пекином политикой колонизации, приняли решение о выходе страны из состава Китая. Понимая, что китайское правительство не смирится с утратой Монголии, в августе 1911 г. ими была направлена дипломатическая миссия в Санкт-Петербург с целью получения поддержки и покровительства России. Имперские власти прохладно отнеслись к идее выхода Монголии из-под юрисдикции Пекина, однако при этом монгольским посланникам была обещана поддержка в вопросах, связанных с «сохранением самобытного строя во внутренних делах, не допуская ввода китайских войск». Несмотря на достаточно сдержанную позицию России, 16 декабря 1911 г. в Урге было объявлено о независимости Внешней Монголии. Данное событие вызвало крайне негативную реакцию со стороны маньчжурских властей, которая еще более усугубилась после начала боестолкновений между монгольскими ополченцами и китайскими войсками. После создания в феврале 1912 г. Китайской республики ее президентом Юань Шикаем был объявлен курс на возвращении под свой контроль Монголии. В результате непродолжительных и безрезультатных переговоров с правительством в Урге пекинские власти сделали ставку на силовое решение проблемы. Уже к концу 1912 г. подконтрольные Пекину многочисленные и хорошо вооруженные войска были сосредоточены у границ страны [18, с. 26–35]. Военная интервенция Китая представляла реальную угрозу российским интересам во Внутренней Азии. К тому времени торговля с Монголией приобретала все большее значение для экономики России. В начале

1910-х гг. из Монголии поставлялось до 12 % от общего импорта невыделанных кож, 13 % шерсти, 25,5 % конского волоса, 34,2 % пушнины, 10,5 % крупного и 24,9 % мелкого рогатого скота, 10,5 % лошадей⁹. В случае оккупации Монголии китайскими войсками России грозили серьезные экономические и репутационные потери, игнорировать которые имперские власти не могли. В заявлении правительства 29 декабря 1911 г. отмечалось, что «Россия не может не интересоваться установлением прочного порядка в соседней с Сибирью области, где имеются крупные русские торговые интересы» [9, с. 140]. 13 апреля 1912 г. на заседании Государственной думы министром иностранных дел С.Д. Сазоновым было заявлено о поддержке Монголии [18, с. 137]. Для установления официальных контактов с монгольским правительством в сентябре 1912 г. в страну прибыл специальный уполномоченный посланник И.Я. Коростовец. В числе соглашений, которые он должен был заключить, особо оговаривались вопросы, связанные с торговлей и правами российских предпринимателей в Монголии [2, с. 68]. Дипломатическая миссия И.Я. Коростовца увенчалась успехом. В конце октября 1912 г. было подписано «Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии», согласно которому имперское правительство признавало фактическую независимость Монголии и обязывалось оказать защиту от колонизации и военной интервенции со стороны Китайской республики. В свою очередь монгольская сторона гарантировала российским предпринимателям широкий ряд привилегий, в числе которых свобода предпринимательской деятельности и передвижения по всей стране, разрешение на ведение беспошлинной торговли и добычу полезных ископаемых, беспрепятственная

⁹ Московская торговая экспедиция в Монголию 1912 года. М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1912. С. 12.

организация финансово-кредитных учреждений, право возводить капитальные постройки (жилые дома, лавки, промышленные объекты) и т.д.¹⁰

Таким образом, российские бизнес-проекты в Монголии получили официальную поддержку со стороны властей, что позволило вывести экономические отношения двух стран на качественно новый уровень. Если в 1909 г. совокупная стоимость русского экспорта в Монголию составляла чуть больше 1 млн руб., то уже в 1914 г. эта цифра превысила отметку в 4 млн 400 тыс. руб. [19, с. 202, 208]. Ввоз монгольских товаров также демонстрировал уверенный рост — с 7 млн 600 тыс. руб. в 1909 г. до 8 млн 400 тыс. руб. в 1914 г. [там же, с. 202].

Заключение

Активизация российской внешней политики во Внутренней Азии с явным поворотом в сторону Монголии в начале 1910-х гг. стала результатом сочетания ряда взаимосвязанных факторов политического и экономического характера. Поражение в войне с Японией повлекло за собой свертывание планов экономической экспансии в Маньчжурии и сыграло важную роль в ускорении темпов колонизации Монголии Цинской империей. В свою очередь проводившиеся Китаем в рамках политики колонизации мероприятия, направленные на получение полного контроля над монгольским внутренним рынком, поставили под угрозу торговые интересы России в регионе. Это грозило неблагоприятными последствиями для отечественной экономики, вступившей в период подъема и остро нуждавшейся в поставках монгольского сырья и рынке сбыта промышленной

¹⁰ Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии // Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : сб. документов : в 2-х ч. М. : Граница, 2019. Ч. I. С. 28–31.

продукции. После фактической утраты Маньчжурии российские власти не могли допустить потерю Монголии, что заставило активизировать усилия для ее закрепления в сфере своего влияния. Таким образом, к 1911 г. явственно сформировались три фактора, обусловившие «монгольский поворот»: геополитический (потеря контроля над южной Маньчжурией и необходимость компенсировать утраченные позиции), политико-административный (угроза полного вытеснения российского бизнеса из Монголии в результате китайской колонизации) и экономический (возрастающая потребность отечественной промышленности в монгольском сырье на фоне общего подъема).

Революционные события в Китае (Синьхайская революция 1911 г.) и провозглашение независимости Монголии создали уникальное окно возможностей. Российское правительство, ранее занимавшее осторожную позицию, сумело использовать этот шанс. Предварительная дипломатическая работа с Японией и Францией позволила нейтрализовать внешние риски, а направление в Ургу И.Я. Коростовца обеспечило подписание соглашения 1912 г. В обмен на признание автономии Монголии и гарантии защиты от китайской интервенции Россия получила для своих подданных режим наибольшего благоприятствования: свободу торговли, право беспошлинного ввоза товаров, возможность добычи полезных ископаемых, создания банков и возведения капитальных сооружений. Заключение соглашения 1912 г. стало поворотным моментом: российское правительство официально взяло под защиту экономические интересы отечественных предпринимателей в Монголии, а монгольская сторона признала за ними исключительные права, что позволило значительно расширить присутствие российского капитала в регионе вплоть до революционных событий 1917 г.

Список использованной литературы

1. Боголепов М.И. Очерки русско-монгольской торговли : экспедиция в Монголию 1910 г. / М.И. Боголепов, М.Н. Соболев. — Томск : Типо-лит. Сиб. тов-ва печат. дела, 1911. — 498 с.
2. Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г. / И.Я. Коростовец. — Улаанбаатар : Адмон, 2009. — 440 с.
3. Свечников А.П. Русские в Монголии (наблюдения и выводы) : сб. работ относительно Монголии (Халхи) / А.П. Свечников. — Санкт-Петербург : Энергия, 1912. — 150 [12] с.
4. Загорский С.О. Война после мира : (по поводу Париж. экон. конф. союзников) / С.О. Загорский. — Петербург : Жизнь и знание, 1917. — 393 с.
5. Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае / Н.П. Штейнфельд. — Харбин : Труд, 1913. — 94 с.
6. Штейнфельд Н.П. Русское дело в Маньчжурии : с XVII в. до наших дней / Н.П. Штейнфельд. — Харбин : Рус.-Кит.-Монгол. тип. газ. «Юань-дун-бао», 1910. — 208 с.
7. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892-1906) / Б.А. Романов. — Ленинград : Изд-е Ленинград. Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. — 619 с.
8. Ма Юцзунь. Предпринимательство русских купцов и промышленников в Маньчжурии. Конец XIX — начало XX в. / Ма Юцзунь. — EDN KEZYRPV // Россия и АТР. — 2009. — № 1 (63). — С. 109-118.
9. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия / Ш.Б. Чимитдоржиев. — Москва : Наука, 1987. — 240 с. — EDN YMZFFS.
10. Курас Л.В. Монголия в составе империи Цин в начале XX в. / Л.В. Курас. — EDN VDHFJT // Власть. — 2015. — № 12. — С. 143-148.
11. Плеханова А.М. «Дело бесспорно нужное нашему банку и интересам державы» : о роли кяхтинского купца И.Д. Сидицына в укреплении российско-монгольских экономических связей в начале XX в. / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов. — DOI 10.26516/2222-9124.2025.51.56. — EDN DBVHDIO // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2025. — Т. 51. — С. 56-64.
12. Мамаева Т.Г. Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии (конец XIX в. — 1945 г.) / Т.Г. Мамаева. — Хабаровск : Изд-во ДВГМУ, 2021. — 128 с. — EDN MKYOPU.

13. Дроботушенко Е.В. Материалы к истории колонизации Китая монгольских земель в начале XX в. / Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцова. — DOI 10.21603/2078-8975-2019-21-4-924-931. — EDN UQKMWE // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — Т. 21, № 4 (80). — С. 924–931.
14. Плеханова А.М. Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900-1910 гг.): недлинная история / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов. — DOI 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30. — EDN JULJSA // Вопросы истории. — 2020. — № 10-2. — С. 115–125.
15. Муравьева Л.А. Экономика и финансы России в годы промышленного подъема (1909 – 1913) / Л.А. Муравьева. — EDN HUXUJP // Финансы и кредит. — 2002. — № 5 (95). — С. 29–37.
16. Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России / А.Ф. Яковлев. — Москва : Госполитздат, 1955. — 404 с.
17. Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Э.Д. Гримм. — Москва : Изд-е Ин-та востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. — 218 с.
18. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. / Б. Ширендыб. — Москва, 1971. — 400 с.
19. Майский И.М. Современная Монголия : (отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных обществ «Центросоюз») / И.М. Майский. — Иркутск : Гос. изд. Иркут. отд., 1921. — 472 с.

References

1. Bogolepov M.I., Sobolev M.N. *Essays on Russian–Mongolian Trade: The 1910 Expedition to Mongolia*. Tomsk, 1911. 498 p.
2. Korostovets I.Ya. *Nine Months in Mongolia: Diary of the Russian Plenipotentiary in Mongolia. August 1912 – May 1913*. Ulaanbaatar, Admon Publ., 2009. 440 p.
3. Svechnikov A.P. *Russians in Mongolia: Observations and Conclusions*. Saint Petersburg, Ehnergiya Publ., 1912. 150 p.
4. Zagorskii S.O. *War after Peace*. Peterburg, Zhizn' i znanie Publ., 1917. 393 p.
5. Shteinfel'd N.P. *Russian Trade Interests in China*. Kharbin, Trud Publ., 1913. 94 p.
6. Shteinfeld N.P. *The Russian Cause in Manchuria: From the 17th Century to the Present*. Kharbin, 1910. 208 p.

7. Romanov B.A. *Russia in Manchuria (1892–1906)*. Leningrad, 1928. 619 p.

8. Ma Yujiun. Business Undertakings of the Russian Merchants and Industrialists in Manchuria. The End of the XIXth-the Early XXth cc. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2009, no. 1, pp. 109–118. (In Russian). EDN: KEZYPV.

9. Chimitdorzhiev Sh.B. *Russia and Mongolia*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 240 p. EDN: YMZFFS.

10. Kuras L.V. Mongolia as a Part of the Qing Empire in the Beginning of the 20th Century. *Vlast' = Power*, 2015, no. 12, pp. 143–148. (In Russian). EDN: VDHFJT.

11. Plekhanova A.M., Shirapov A.A. "A Matter that is Undoubtedly Necessary for our Bank and the Interests of the State": on the Role of the Kyakhta Merchant i. d. Sinitsyn in Strengthening Russian-Mongolian Economic Ties at the Beginning of the 20th Century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, 2025, vol. 51, pp. 56–64. (In Russian). EDN: DBHDIO. DOI: 10.26516/2222-9124.2025.51.56.

12. Mamaeva T.G. *Russian Commercial and Industrial Entrepreneurship in Manchuria (Late 19th Century – 1945)*. Khabarovsk, Far Eastern State Medical University Publ., 2021. 128 p. EDN: MKYOPU.

13. Drobotushenko E.V., Lantsova Yu.N. Chinese Colonization of Mongolian Lands in the Early XX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2019, vol. 21, no. 4, pp. 924–931. (In Russian). EDN: UQKMWE. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-924-931.

14. Plekhanova A.M., Shirapov A.A. The Urginsky Branch of the Russo-Chinese Bank (1900- 1910): Short Story. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2020, no. 10-2, pp. 115–125. (In Russian). EDN: JULLJA. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30.

15. Muraveva L.A. The Economy and Finances of Russia during the Period of Industrial Growth (1909–1913). *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2002, no. 5, pp. 29–37. (In Russian). EDN: HUXUJP.

16. Yakovlev A.F. *Economic Crises in Russia*. Moscow, Gospolitdat Publ., 1955. 404 p.

17. Grimm Eh.D. *Collection of Treaties and Other Documents on the History of International Relations in the Far East (1842–1925)*. Moscow, 1927. 218 p.

18. Shirendyb B. *History of the Mongolian People's Revolution of 1921*. Moscow, 1971. 400 p.

19. Maiskii I.M. *Modern Mongolia*. Irkutsk, 1921. 472 p.

Информация об авторах

Ширапов Алдар Амаголович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, отдел истории, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: agmaren@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-5910-3501>; SPIN-код: 7753-5773\$ AuthorID РИНЦ: 1097688.

Плеханова Анна Максимовна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, отдел истории, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: plehanova.am@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-6573-4262>; SPIN-код: 4424-0923; AuthorID РИНЦ: 536936; WoS Researcher ID: AAQ-2625-2020.

Authors

Aldar A. Shirapov – Ph.D. in History, Junior Researcher, Department of History, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, the Russian Federation; e-mail: agmaren@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-5910-3501>; AuthorID RSCI: 1097688; SPIN-Code: 7753-5773.

Anna M. Plekhanova – D.Sc. in History, Associate Professor, Chief Scientific Researcher, Department of History, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, the Russian Federation; e-mail: plehanova.am@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-6573-4262>; SPIN-Code: 4424-0923; AuthorID RSCI: 536936; WoS Researcher ID: AAQ-2625-2020.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Ширапов А.А. Экономическая экспансия России во Внутреннюю Азию в конце XIX — начале XX в.: причины «монгольского поворота» / А.А. Ширапов, А.М. Плеханова. — DOI 10.17150/2308-2488.2026.27(2).266-287. — EDN CDWSOC // Историко-экономические исследования. — 2026. — Т. 27, № 2. — С. 266–287.

For Citation

Shirapov A.A., Plekhanova A.M. Russia's Economic Expansion into Inner Asia in the Late 19th — Early 20th Century: Causes of the “Mongolian Turn”. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2026, vol. 27, no. 2, pp. 266–287. (In Russian). EDN: CDWSOC. DOI: 10.17150/2308-2488.2026.27(2).266-287.